

Žaža, Stanislav

Историческое влияние немецкого языка на различия между чешским и русским языками

In: *Crossroads of cultures : Central Europe*. Pospíšil, Ivo (editor). 1. vyd. Brno: Masarykova univerzita, 2002, pp. 53-74

ISBN 8021028122

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/132582>

Access Date: 27. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ВЛИЯНИЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА НА РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ ЧЕШСКИМ И РУССКИМ ЯЗЫКАМИ

STANISLAV ŽAŽA (BRNO)

1. Сопоставляя грамматическую структуру чешского и русского языков, можно натолкнуться на ряд расхождений в разных областях языковой структуры. Пытаясь объяснить причины этих различий, необходимо учесть факт, что чешский язык, в отличие от русского, на протяжении ряда столетий находился на территории Средней Европы, испытывая влияния соседних языков, прежде всего немецкого. Последствием соуществования двух неродственных языков на одной территории и постоянного контакта их носителей является длительное влияние одного языка на другой, причем это влияние направлено преимущественно от языка народа, имеющего на данном этапе политический, экономический и культурный перевес. Диапазон и формы этого влияния являются предметом изучения многих лингвистов. Известное затруднение, однако, заключается в том, что не всегда можно с уверенностью установить, появилось ли в языке А определенное явление а) в результате прямого влияния языка Б; б) в результате опосредствованного языком Б влияния языка В; в) существуют ли два явления аналогично в языке А и Б независимо друг от друга.

2. Ч. яз. связывали с н. яз. многочисленные исторические контакты, начавшиеся с немецкой колонизации пограничных областей чешского государства в XI -XIII в. и постепенно укрепившиеся династическими связями между чешскими и немецкими правящими кругами. В результате этих факторов при пражском королевском дворе и в самом городе Праге уже в XII-XIII в. устанавливается двуязычие. Его последствием являлось то, что говорящие переносили языковые единицы и навыки разного рода из одного языка в другой. В ч. яз., кроме того, подобно тому как и в н. яз., а также в польском, отражается и влияние латыни, как языка, бывшего на протяжении веков на службе религии, науки, административного аппарата и литературного творчества.

3. Вследствие неблагоприятных событий, связанных с результатами сражения на Белой горе в 1620 г., чешский язык на протяжении XVII-XVIII вв. находился под угрозой гибели. Окончательным успехом в длительной борьбе за свое существование он обязан не только видным ученым и другим культурным деятелям эпохи национального возрождения

дения (Добровский, Юнгман, Шафарик и др.), но и многим «провинциальным патриотам» конца XVIII в. и первой половины XIX в. В длительном процессе регенерации языка сыграли свою роль также пуристы. Результаты их деятельности, как известно, противоречивы: с одной стороны, они удалили из языка некоторые действительно ненужные лексические германизмы, с другой стороны, большинство пуристов, не зная настоящих закономерностей развития языка, не удержались от необоснованных радикальных поправок, следы которых можно обнаружить еще и в наши дни. Имеются, однако, факты, которые ускользнули даже от внимания пуристов, - по всей вероятности, вследствие того, что эти явления в основном не противоречили линии развития, общей или близкой обоим языкам. Немецкий язык мог в некоторых случаях служить не прямым образцом, предметом имитации, а лишь своего рода катализатором развития. Подобные явления, следовательно, прочно вошли в структуру языка и совсем не воспринимаются как иностранные. Их можно, поэтому, обнаружить, в основном, только сравнивая их с аналогичными явлениями родственного славянского языка, в котором влияние н. яз. ввиду отсутствия непосредственного контакта этих языков не могло найти свое прямое отражение. Таким является именно русский язык: он может, вследствие этого, служить своего рода прожектором, проливающим свет на происхождение ряда структурных особенностей ч. яз. При обучении чешских студентов русскому языку, можно таким образом объяснить отдельные факты интерференции (ср. Зимек 1996, Жажа 1996).

4. Наибольшее внимание в указанном направлении обращает на себя область словарного состава и словообразования. Она предоставляет нам ряд интереснейших сведений. Влияние н. яз. на ч. яз., как, впрочем, и на р. яз. неоспоримо. Нужно, однако, учитывать разные условия, при которых оно осуществлялось, и вытекающие из них результаты: а) время и пути этого влияния, б) различие между прямым и опосредствованным влиянием, в) характер заимствованных слов, г) различие между фактически заимствованными словами (Lehnwörter) и словами лишь созданными по образцу н. яз. (Lehnübersetzungen).

В ч. яз. немецкие слова перенимались в прямом взаимном речевом общении, в то время как в р. яз. они попадали иным историческим путем: косвенно или через одиночных носителей н. яз., которых приглашали на русскую землю (Зимек 1996).

5. Первыми единицами, заимствованными через посредство н. яз. из латыни., были в ч. яз. лексемы, связанные с религией и с организацией церкви. Эквиваленты в р. яз. в связи с другими усло-

виями церковной жизни отличаются от чешских и немецких; ср.: fara / Pfarre / parochia × приход, klášter / Kloster / claustrum × монастырь, jeptiška / Äbtissin / abatissa × монахиня, hřbitov / Friedhof × кладбище (ср. Navránek 1968). Более широкий слой представляют выражения, связанные с общественной жизнью феодального государства, начиная с XII в., напр.: léno / Lehen × фео́д, guchtář / Richter × староста, rathúz / Rathaus × ратуша, handlovat / handeln × торговать и др. Выразительным является также слой терминов из области военного дела. Некоторые из них известны уже в период гуситских войн (в середине XV в.), однако широкое распространение они получили во времена царствования Габсбургов (с 1526 г.): špěhěl / Späher × разведчик, rejtar / Reiter × конный, helma / Helm × шлем, sajghaus / Zeughaus × арсенал, retovat / retten × спасать, fechtovat / fechten - фехтовать и др. Многочисленны заимствованные выражения, касающиеся процесса производства, ремесел, напр.: barvíř / Färber × красильщик, klempíř / Klempner × жестяник, hoblík / Nobel × рубанок, valcha / Walke × стиральная доска, šrotovat / schrotten × крупно молоть, дробить, fátat / fahren × спускаться в шахту, fasovat / fassen × получать (наёк), pucovat / putzen × чистить и мн. др.

6. Ряд германизмов из разных областей жизни (области военного дела, ремесла, искусства, домашнего обихода и одежды, охоты, игр и др.) имеется также в современном р. лит. яз. Многие из них, в свою очередь, вообще не встречаются в ч. яз., напр., *клейстер* (< Kleister) lepidlo, *ландшафт* (< Landschaft) krajina, krajinomalba, *мольберт* (< Malbrett) malířský stojan, *стамеска* (< Stemmeisen) dláto, *бутерброд* (< Butterbrot) obložený chlebiček, *ягдташ* (< Jagdtasche) lovecká brašna, *кегли* (< Kegel) kuželku, *кегельбан* (< Kegelbahn) kuželník. Судьба германизмов в р. яз., однако, отличается от их судьбы в ч. яз. Р. яз., никогда в своей истории не находившийся под угрозой ликвидации, не ощущал необходимости очистки языка от подобных выражений, считая их стилистически нейтральными литературными элементами. В отличие от этого германизмы, заимствованные ч. яз., впоследствии были или совсем утрачены (некоторые из них незаслуженно), или отодвинуты в сферу нелитературных выражений. Вследствие этого чех, встречаясь с ними в русском тексте, чувствует их выразительно иностранный характер (ср. слова, как *штраф*, *циферблат*, *ландшафт*, *эндшпиль*, *цейтнот*, *курорт*) и под влиянием родного языка склонен придавать им нелитературное или даже пренебрежительное значение, ср. *штемпель* (štempl, лит. gazítka), *шприц* (špric, лит. střík), *гипс* (gyps, лит. sádra), *футляр* (futrál, лит. pouzdros), *штанга* (štangle, лит. tyč), *шпагат* (špagát, лит. plovaz) и др. В отличие от русского, выразительно нелитературный,

иногда даже шуточно-иронический оттенок имеют в ч. яз. также глаголы с суффиксом -írova(t), -ýrova(t) из -ieren: študýrovat, abonýrovat, deklamírovat, kontrolírovat, в то время как в литературной форме суффикс -ír/-ýг- отсутствует: studovat, abonovat, kontrolovat, deklamovat...

7. Наглядным примером неодинакового статуса германизмов в ч. и р. яз. может служить сфера жаргона чешских солдат в австро-венгерской армии до 1918 г. (ср. также Šlosar 1990). Соответствующих германизмов в р. яз. или вообще нет (ср. kvérgrif - *ружейный приём*, pucflek - *денищик*, rechnungsfeldvébl - *старший писарь*, vachsimra - *караульное помещение* и др.), или они стилистически неэквивалентны, напр. obrlajntant - *оберлейтенант* (лит.), hauptvacha - *гауптвахта* (лит.), feldvébl - *фельдфебель* (уст. лит.); ср. известный перевод *Похождений бравого солдата Швейка* П. Богатырёва (Москва 1963).

Ряд лексических элементов н. происхождения встречается в т. наз. «гантеце», типичном диалекте-жаргоне, распространенном в кругах населения г. Брно, напр. *augle* ‚глаза‘ (из н. *Augen*), *brette* ‚лыжи‘ (из н. *Brettel(n)*), *futrovat* ‚есть, набивать себе живот‘, *zonsna rumpluje* ‚солнце припекает‘ (из н. *Sonne*, *rumpeln* ‚грохотать, тарыхтеть‘) (ср. Krčmová 1993, P. Jelínek 1993).

Выражение «гантец» (ч. *hantec*) - искажение слова *hantýrka* ‚жаргон‘ (от н. *hantieren* ‚обходиться с кем, торговать‘).

8. Указанные чешские германизмы, следовательно, стилистически или эмоционально окрашены. Они употребляются в непринужденном стиле разговорной речи, в качестве профессионально-жаргонных наименований, некоторые даже как арготизмы. Степень негативной окраски у них бывает разная (от сильно пренебрежительной до полулитературной). В обиходном узусе ч. яз. есть слова н. происхождения, отсутствующие в р. яз., как *kumšt*, *kumštýt*, *kšeft*, *ona je šlank*, *jsem švorc* и др., но имеющие нейтральные литературные синонимы: *umění*, *umělec*, *obchod*, *ona je štíhlá*, *jsem bez peněz* и т. п. (ср. Зимек 1996).

В просторечии даже у молодого чешского поколения, у которого не может быть и речи о чешско-немецком билингвизме, упорно держатся некоторые своеобразные германизмы типа односложных словечек наречно-партикульного характера, как-то: *halt/holt*, *furt*, *just*, *recht*, *durch*, *fest*; *on holt nechce* / *er will halt nicht* / *ничего не подделаешь, он не хочет*; *furt pryč* / *in einem fort* / *беспрерывно*; *máš recht* / *du hast recht* / *ты прав(а)*; *boty jsou durch* / *die Schuhe sind durch* / *ботинки протёрлись*; *utáhni to fest* / *zieh es fest an* (*Schraube*) *подтяни туго (болт)* и др.

9. В противоположность указанным нелитературным выражениям в связи с необходимостью обогатить словарный фонд литературного

языка выражениями, обслуживающими сферу культуры и науки, в чешском языке уже с XIX в. укоренились многие кальки (Lehnübersetzungen) типа *názor* / *Anschauung* × *мнение, взгляд*, *Anspruch* / *nárok* × *притязание*; *pojednání* / *Abhandlung* × *статья, исследование*, *Ausflug* / *výlet* × *экскурсия, поездка* и др. К ним принадлежит также значительное количество слов с компонентами *-pis*, *gychlo-*, *kraso-*, *čisto-*, напр.: *cestopis* / *Reisebeschreibung* × *путевые записки*, *životopis* / *Lebensbeschreibung* × *биография*, *krasopis* / *Schönschreiben* × *чистописание, каллиграфия*; *čistopis* / *Reinschrift* × *беловик*, *žalozpěv* / *Klagegesang* × *элегия*; *krasojedec* / *Kunstreiter* × *цирковой наездник*, *krasořečník* / *Schönreder* × *краснобай*, *gychlobruslař* / *Schnellläufer* × *конькобежец*, *gychloopravna* / *Schnellreparatur* × *срочный ремонт* и др. Сюда относятся и некоторые глаголы, как-то: *podmínit* / *bedingen* × *обусловить*, *sdělit* / *mitteilen* × *сообщить*, *prosadit* / *durchsetzen* × *добиться чего-н., отстоять что-н.*, *prozkoumat* / *durchforschen* × *исследовать*, *podporovat* / *unterstützen* × *поддерживать*, *rozhořčit se* / *sich erbittern* × *возмутиться*, *zapříčinit* (отвергается, лит. *způsobit*) / *verursachen* × *вызвать* и н. др.

10. В области фразеологии также встречаем много случаев совпадения между ч. яз. и н. яз. при расхождении с соответствующими русскими фразеологизмами (включая пословицы, поговорки, этикетные клише и др.). Область фразеологизмов заслуживает, однако, особого внимания: чрезвычайно трудно дифференцировать, какие из фразеологизмов являются в разных языках продуктом самостоятельного, параллельного выражения аналогичных ситуаций, обусловленных общим культурно-историческим фоном, а какие – результатом заимствования из другого языка (см. Мокиенко 1974). Во всяком случае находим ряд аналогичных фразеологизмов, как, напр.: *dostat dceru pod čepce* - *seine Tochter unter die Haube bringen* × *выдать свою дочь замуж*; *koupil to za války pod rukou* - *er hat es während des Krieges unter der Hand gekauft* × *он купил это во время войны из-под полы*; *musím ti to říct mezi čtyřma očima* - *ich muss es dir unter vier Augen sagen* × *мне нужно сказать тебе с глаза на глаз*; *je to co by kamenem dohodil* - *es ist auf Steinwurfweite entfernt* × *это рукой подать / это совсем под носом*; *je toho jako když naseje* - *das ist wie gesät* × *этого (там) тьма тьмущая / пруд пруди*; *škoda, že...* - *schade, dass...* × *жаль, что...*; *okamžitě* - *augenblicklich* × *сразу / сию минуту*.

11. В равной мере интересным, но одновременно до известной степени проблематичным является анализ фонологической системы наших языков. Имеется три основных явления, отчасти общих ч. яз., н. яз. и

некоторым другим средневропейским языкам и в то же время отличающих ч. яз. от р. яз., а именно:

1. почти полная утрата корреляции согласных по твердости/мягкости в ч. яз.; остались всего три пары корреляции: *d - d'*, *t - t'*, *n - n'*; ср. *hady* [di] ,змеи' (вин. п. мн. ч.) × *hadí* [d'i] ,змеи' (им. п. мн. ч.); *utýrat* [ti:] ,замучить' × *utírat* [t'i:] ,стирать'; *nemá* [ne] ,не имеет' × *ně má* [n'e] ,немая'; в н. яз. корреляции нет; в р. яз. она, наоборот, охватывает большинство согласных звуков (кроме *ж, ш, ч, ц, ъ*).

2. фонологическая долгота гласных; в ч. яз. напр.: *vila* [vi] ,вилла' × *víla* [vi:] ,фея'; *drahá* [aha:] ,дорогая' × *dráha* [a:ha] ,дорога'; в н. яз.: *bitten* [bi] ,просить' × *bieten* [bi:] ,предлагать'; *lass* [las] ,оставь' × (*er*) *las* [la:s] ,(он) читал' и др.; в р. яз. фонологической долготы нет;

3. стабилизированное словесное ударение; в ч. яз. последовательно на первом слоге или на первичном предлоге: *'prodavačka* ,продащица', *'na trojúhelníku* ,на треугольнике'; в н. яз. в общем также на первом слоге (с разными исключениями): *'Antwort* ,ответ'; *'herkommen* ,приходить', *'Aufgabe* ,задача'; но, напр., *ver'kaufen* ,продавать'; *Part'ei* ,партия'; *Jahr'hundert* ,столетие' и др.; в р. яз. стабилизированного ударения нет.

Кроме того, н. и ч. яз. близки друг другу слабой динамичностью ударения и, в связи с этим, более ровной интонационной линией высказывания; ср., напр., интонацию замкнутого вопроса в н. и ч. яз. (антикаденцию) в отличие от р. яз. (ИК-3): *Je vaše sestra doma? Ist Ihre Schwester zu Hause?* × *Ваша сестра дома? Влиянием н. яз. считается также наличие в ч. яз. твердого приступа* (н. *fester Einsatz*; ч. *ráz*) в сочетаниях типа *k 'oknu, z 'Afriky, v 'ulici* (ср. А. Frinta, 1942), ср. н. *vor 'allem, auf 'einmal, von 'oben* и др. в отличие от р. *кОкну, изОАфрики*. Далее к востоку твердого приступа нет: он отсутствует уже в восточных (моравских) диалектах ч. яз., в словацком языке и в восточнославянских яз.

А. Лампрехт (Lamprecht 1958) указывает на общность приведенных явлений в н., ч., словацк. и венг. языках и склонен считать источником некоторых из них н. и венг. языки, давшие стимул к реализации тех или других изменений. Наоборот, П. Трост (Trost 1963) отрицает эту возможность. Что касается некоторых других возможных случаев влияния н. яз. на ч. яз. (в частности возникновения перегласовки *a > e*: *duša > duše > duše*), отстаиваемых еще Я. Гебауэром (J. Gebauer), к ним ч. лингвисты А. Бер (A. Beer), Ф. Травничек (F. Trávníček) и А. Лампрехт (см. Lamprecht 1958) относятся критически.

12. В отличие от фонетики и словарного состава, область грамматического строя оставалась долгое время до известной степени в стороне от внимания лингвистов. В первую очередь это касается морфологии, которая, в частности, в сфере парадигматики предоставляет лишь немного возможностей сравнения. Тем не менее и здесь можно все-таки обнаружить некоторые явления, заслуживающие внимания.

Так, напр., влияние н. яз. на род чешск. существительных греческого происхождения на *-ta* (*drama, panogáma, schéma...* - ср. р.) и *-óza* (*hynpóza, skleróza...* - ж. р. - ср. Зимек 1996), можно обнаружить еще и в словах франц. происхождения, как *masáž, garáž, manéž...* - все они в ч. яз. - в отличие от франц. яз. - ж. р., как и в н. яз. Что касается слов латинского происхождения, как *univerzita, fakulta, plénum, vakuum...*, сохраняющих в н. и ч. яз. род языка-источника, то здесь можно предполагать и непосредственное влияние латыни; этот вопрос, однако, требует еще более обстоятельного анализа. Совершенно по-другому обстоит дело в р. яз., где род заимствованного существительного определен формально по характеру последнего звука слова, т. е. подчиняется морфологическому принципу (*драма...* - ж. р., *гипноз, университет, массаж, пленум* - м. р. - ср. Йирачек 1971, 1988).

13. М. Комарек (Komárek 1994, Зимек 1996) указывает на наличие в ч. яз. синонимии относительных местоимений *k-ряда* (*který, -á, -é*) и *j-ряда* (*jenž, jež, jež*), аналогичной до известной степени параллелизму н. местоимений *welcher* и *der* (в р. яз. местоимений *j-ряда* нет). По мнению Я. Бауэра (Bauer 1972), местоимение *j-ряда* могло в ч. яз. сохраниться - несколько парадоксально - и благодаря тому, что в результате употребления единого союза *qui* в латинских текстах средневековья стерлось в ч. переводах первоначальное семантическое различие между местоимениями *který* и *jenž*, вследствие чего они употребляются в основном параллельно, лишь со стилистическим различием: *který* - нейтральное, *jenž* - книжное.

Полное сохранение в ч. яз. притяжательных прилагательных (в отличие от р. яз.) можно считать результатом процесса, аналогичного в н. и ч. яз., а именно тенденции выражать лицо, обозначающее владельца, препозитивно (хотя при помощи разных форм): в н. яз. чаще всего род. п. существительного, в ч. яз. - им. п. притяжательного прилагательного: *Karls Eltern - Karlovi rodiče, Vaters Brief - otcův dopis, Humboldt-Universität - Humboldtova univerzita* × *родители Карла, письмо отца, университет им. Гумбольдта* (см. Зимек 1996).

Влияние н. и лат. яз. отразилось, по нашему мнению, в возможности образования составных числительных типа *jed(e)nadvacet, šestapadesát* (рядом с *dvacet jedna, padesát šest*); ср. н. *einundzwanzig, sechsundfünfzig*

и лат. unus et viginti || viginti unus, sex et quinquaginta || quinquaginta sex, в отличие от р. *двадцать один, пятьдесят шесть*. В настоящее время, однако, и в ч. яз. преобладают формы типа *dvacet jedna, padesát šest*, соответствующие порядку написания цифр.

Полностью утрачено частое еще в начале XX века в ч. яз. употребленные формы 3-го л. мн. ч. глагола при вежливом обращении к собеседнику (т. наз. *onikání*): *Kam jdou?* / *Wohin gehen Sie?* - *To neměli dělat* / *Das sollten Sie nicht machen* (совр. *Kam jdete?* *To jste neměl/-la dělat*).

14. Воздействие н. яз. на ч. яз. сказывается также в тенденции выражать (отчасти излишне) десигнаторы определенности. Некоторые из них иногда приобретают даже функцию квазиартикля. Чешские русскоговорящие склонны переносить эти элементы в р. яз., где они являются чужеродными; ср. *Ten listonoš tu ještě není*. *Der Briefträger ist noch nicht da*. × *Почтальона пока нет*. - *Máš ty lístky do toho divadla?* *Hast du die Eintrittskarten ins Theater?* × *Билеты в театр у тебя есть?* - *Toho děkana jsem v té Praze neviděl*. *Den Dekan habe ich in Prag nicht gesehen*. × *Декана я в Праге не видел*. (См. Gladrow 1979, Adamec 1980).

15. Немецко-чешский изоморфизм в области морфосинтаксиса наблюдается в сфере глагольного управления.

Одним из заметных явлений исторического развития языков является отмирание или утрата форм одного беспредложного падежа в пользу форм другого падежа (без предлога или, чаще, с предлогом). Выразительным примером такого изменения является в ч. яз. родительный.

С утратой род. п. в пользу вин. п. встречаемся и в н. яз. Ср., напр., в грамматике нем. яз.: *Nur noch eine begrenzte Zahl von Verben verlangen in der modernen Sprache einen Objektgenitiv*. Meist wird er durch den Objektakkusativ oder ein präpositionales Objekt ersetzt: *Er bedarf des Trostes* → *Er bedarf den Trost*; *Er entbehrt der Hilfe* → *Er entbehrt die Hilfe...* (Schulz-Griesbach, 328).

Общей семантической чертой родительного в ч. и р. яз. является тот факт, что предмет охвачен действием глагола в неопределенной мере или лишь частично, вплоть до нулевой степени охвата (р. отрицания); (ср. *Běličová 1982, Příruční mluvnické češtiny 1995*).

Родительный отделительный (партиитивный) в ч. яз. употребим для выражения неопределенного количества, – большого, напр., *paréct buchet* - *напечь пирошков* - *viele Kuchen backen* или, наоборот, не-

большого, напр. *napít se vody* - *напиться воды* -(einen Schluck) Wasser trinken. Обязательным он является, однако, лишь после глаголов, образованных от переходного глагола с помощью приставки *na-* и возвратного *se*, напр. *načíst se detektivek* - *начитаться детективов* - viele Krimis durchlesen, *naposlouchat se pohádek* - *наслушаться сказок* - vielen Märchen zuhören, и после некоторых синонимичных глаголов, напр. *líznout si zmrzlinu* - *попробовать мороженого* - von Eis nippen.

Однако намного чаще наличие неопределенного количества выражается в ч. яз. лексически, с помощью квантификатора, - слова, указывающего меру, количество, - или не выражается вообще (зависимый член имеет в последнем случае форму вин. п.): ср. *дай мне хлеба* - *dej mi kousek chleba* - gib mir ein Stückchen Brot; *подлить молока в кофе* - *přilít trochu mléka do kávy* - ein wenig Milch in den Kaffee zugießen; *принести детям конфет* - *přinést dětem bonbony* - den Kindern Bonbons bringen; *приваить газу* - *přidat plyn* - Gas geben.

Родительный контакта и удаления в ч. яз. остался, главным образом, после немногочисленных, чаще всего возвратных глаголов, как, напр., *dotknout se plotu* - *коснуться забора* - den Zaun berühren; *domáhat se svého práva* - *домогаться своего права* - sein Recht fordern; *dosáhnout svého cíle* - *добиться своей цели* - sein Ziel erreichen; *stranit se přátel* - *сторониться друзей* - die Freunde meiden; *bát se otce* - *бояться отца* - sich den Vater / vor dem V. fürchten и н. др. В других случаях ему соответствует винительный или другой падеж (без предлога/с предлогом): *лишиться сознания/памяти* - *ztratit vědomí* (вин. п.) - Bewusstsein verlieren; *избегать ошибок* - *vyhýbat se chybám* - Fehler vermeiden; *жаждать славы* - *prahnout po slávě* - nach Berühmtheit schmachten; *беречься простуды* - *chránit se před nachlazením* - sich vor Erkältung hüten; *лишиться наследства* - *přijít o dědictví* - ums Erbe kommen.

К этой группе можно в р. яз. отнести также глаголы *искать(правды)*, *хотеть(всего доброго)*, *ждать(случая)*, *просить(разрешения)*, *желать(многих успехов)* (род. п. типичен здесь у существительных абстрактного значения или для выражения неполной определенности). Род. п. в ч. яз. в аналогичных случаях совершенно устарел и заменяется или вин. п. или другим падежом с предлогом, подобно тому как и в н. яз.: *hledat pravdu* - *die Wahrheit suchen*, *chtít všechno dobré* - *alles Gute wollen*, *čekat na příležitost* - *auf die Gelegenheit warten*, *prosit o dovolení* - *um Erlaubnis bitten*, *přát mnoho úspěchu* - *viel Erfolg wünschen* (ср. п. 16-18).

Родительный отрицания встречается в совр. ч. яз. после объектного глагола весьма редко, и его употребление носит характер книжности, напр. *nemít námitek, pochyb, připomínek* - *не иметь возражений, со-*

мнений, замечаний - keine Einwände, Zweifel, Bedenken haben; его можно найти также в устойчивых оборотах типа *není po něm vidu ani slechu* - о нем ни слуху ни духу - keine Spur von ihm; von ihm ist nichts mehr zu hören; *chudoba cti netrati* - бедность не порок - Armut ist keine Schande и т. п., а также в восточноморавских диалектах. Почти полная утрата этого падежа в ч. яз., начиная с XVII в., объясняется влиянием н. яз. у Гаузенбласа (Hausenblas 1958, ср. н. эквиваленты приведенных выше примеров). Другое мнение отстаивает П. Трост (Trost 1963), возражая, что в словенском яз. родительный отрицания сохранился, хотя общее влияние нем. яз. отразилось и на этом языке. Дать определенный ответ на поставленный вопрос пока затруднительно.

На протяжении последних 15-20 лет многочисленные изменения происходят в р. яз. (ср. Костомаров 1994). К ним можно отнести активизацию употребления вин. п. вместо род. при глаголах типа *ждать, хотеть* и при отрицании, напр. *Это то, что ждёт народ и чего хочет. - Не нарушайте дисциплину.*

16. Самое выразительное явление, касающееся чешско-немецкого изоморфизма в области употребления дательного падежа в функции объекта, представляет тот факт, что в ч. яз., как и в н. яз., употребляется дательный объекта после глаголов, имеющих общее значение «давать», напр.: *poslat příteli dopis* - dem Freund einen Brief schicken; *otec daroval synovi počítač* - der Vater hat seinem Sohn einen Computer geschenkt и т. п., а также и после глаголов со значением «брать», напр.: *vzít dítěti zápalky* - die Zündhölzer dem Kind wegnehmen; *ukradli mu kufr* - man hat ihm seinen Koffer gestohlen, *zabavit neoprávněnému dědici jmění* - dem unbefugten Erben das Vermögen beschlagnahmen и др. В отличие от этого в р. яз. дат. п. употребим лишь в первом случае, в то время как во втором дат. п. заменен сочетанием *у + род. п.*: *poslat другу письмо; отец подарил сыну компьютер*, однако: *взять у ребенка спички; у меня украли чемодан, конфисковать имущество у незаконного наследника* и др.

С указанными сочетаниями связано и употребление в ч. и н. яз. дательного притяжательного, напр.: *chybí mi kniha* (= má kniha) - mir fehlt ein Buch; *bolí jí/ji hlava* - der Kopf schmerzt ihr; *otekly mu nohy* - die Füße sind ihm geschwollen; *zmrtnvěly mi prsty* - mir sind die Finger abgestorben и др. В р. яз. и здесь на месте дат. п. встречаем сочетание *у + род. п.*: *у меня не хватает книги; у нее болит голова; у него распухли ноги; пальцы у меня онемели.*

17. На протяжении развития ч. яз. отчетливо увеличилось количество глаголов, сочетающихся с объектом в винительном падеже, и именно

за счет глаголов с объектом, выраженным другим косвенным падежом (в особенности, родительным, ср. п. 14). То же явление наблюдается и в н. яз. Менее выразительно оно проявляется в р. яз.

Отдельные случаи сочетания глагола и объекта в вин. п., однако, настолько разнообразны, и отношения здесь настолько грамматикализовались, что весьма затруднительно проследить все межъязыковые влияния интерференции. Тем не менее, можно и здесь привести некоторые довольно выразительные примеры ч.-н. изоморфизма: *hrát karty/šachy* - *Karten/Schach spielen* × *играть в карты / в шахматы*; *sledovat vývoj ve svém oboru* - *die Entwicklung auf seinem Spezialgebiet verfolgen* × *следить за развитием в своей специальности*; *hlásit požár* - *(das) Feuer melden* × *доложить/сообщить о пожаре*.

В ч. яз., как и в н. яз. под каталитическим влиянием латинского яз. привился оборот, употребляющийся после глаголов чувственного восприятия и традиционно обозначаемый как аккузатив с инфинитивом (ср. Němec 1968, Kunzmann-Müller 1996): *vidím svého přítele přicházet* - *ich sehe meinen Freund kommen*; *slyšíš Evu zpívat?* - *hörst du Eva singen?*; *nikdy jsme ho neviděli kouřit* - *wir sahen ihn nie rauchen* и т. п.. Это сходство обращает на себя внимание тем более, что в р. яз., где инфинитивные обороты в целом встречаются чаще, чем в ч. яз., как раз этой конструкции нет: *я вижу, как мой друг приходит / своего друга приходящим; ты слышишь, как Ева поет?*; *мы никогда не видели, чтобы он курил / его курящим*.

18. Для падежной системы н. яз., отличающейся от р. и ч. яз. числом падежей, характерны черты аналитизма. В связи с этим в н. яз. более существенную роль, чем в славянских яз., для выражения синтактико-семантических отношений между предметами играют предлоги, как мы отчасти уже показали выше. Общая способность падежей с предлогами более четко и выразительно передавать тонкие оттенки разных отношений, чем падежи без предлогов, является источником возникновения в ч. яз. сочетаний, нередко аналогичных сочетаниям н. яз.

Одним из примеров общей для ч. и н. яз. специфической функции некоторых предлогов является стремление более последовательно, чем в р. яз., различать с помощью предлогов значение местоположения от значения направления. Ср., напр.: *Petr stojí za rohem* - *Peter steht hinter der Ecke* × *stoupni si za roh* - *stell dich hinter die Ecke*; *příklad je napsán na tabuli* (предл. п.) - *das Beispiel ist auf der Tafel* (auf)geschrieben × *učitel píše příklad na tabuli* (вин. п.) - *der Lehrer schreibt das Beispiel auf die Tafel*. В противоположность этому р. яз. предпочитает употребление предлога, выражающего местоположение, и в сочетаниях, предполагающих направление или изменение позиции: *Петр стоит за углом //*

стань за углом; пример написан на доске // преподаватель пишет пример на доске. Особенно ярким примером этой тенденции является тот факт, что некоторые р. предлоги вообще не могут сочетаться с падежом, типичным для выражения направления, т. е. с винительным: это касается предлогов *между*, *перед* и *над*, сочетающихся в р. яз. только с формой тв. п.: *Ирина сидит между мной и моим братом - сядь между мной и моим братом*, в отличие от ч. и н. *Irena sedí mezi mnou a mým bratrem - Irene sitzt zwischen mir und meinem Bruder* (где?) × *sedni si mezi mne a mého bratra - setze dich zwischen mich und meinen Bruder* (куда?); *стол стоит перед окном - поставь стол перед окном* в отличие от *stůl stojí před oknem - der Tisch steht vor dem Fenster* × *dej ten stůl před okno - gib den Tisch vor das Fenster*; *лампа висит над столом - повесь лампу над столом* в отличие от *lampra visí nad stolem - die Lampe hängt über dem Tisch* × *pověsít lampu nad stůl - die Lampe über den Tisch hängen*. В н. яз. выражение различия между местоположением и направлением касается еще и предлога *neben*: *der Sessel steht neben dem Schrank* × *wir haben den Sessel neben den Schrank gestellt*, в то время как в ч. яз. (и в р. яз.) в данном случае различия нет: *židle stojí vedle skříně* (род. п.) // *postavili jsme židli vedle skříně* (род. п.); *стул стоит рядом со шкафом (возле шкафа) // мы поставили стул рядом со шкафом (возле шкафа).*

19. Многие сочетания глагола (а также прилагательного или существительного) с зависимым членом в падеже с предлогом встречаются в ч. яз. на месте р. беспредложных конструкций (ср. п. 14). Чаще всего в этих сочетаниях употребляются предлоги, соответствующие или близкие немецким, напр. o - ut (+ вин. п.): *prosit o dovolení - um Erlaubnis bitten* (*просить разрешения*); *přijít o jmění, o život - ums Vermögen, ums Leben kommen* (*лишиться имущества, жизни*); pro - für (+ вин. п.) *horovat pro zpěvačku - für eine Sängerin schwärmen* (*увлечься певицей*); o - für (+ вин. п.): *zajímat se o novou knihu - sich für ein neues Buch interessieren* (*интересоваться новой книгой*); na - auf (+ вин. п.) *čekat na odpověď - auf die Antwort warten* (*ждать ответа*); *řidič musí dávat pozor na dopravní značky - der Lenker muss auf die Verkehrszeichen achten* (*водитель обязан соблюдать дорожные знаки*); *dejte pozor na vlak - geben Sie Acht auf den Zug* (*берегитесь поезда*); *těšit se na prázdniny - sich auf die Ferien freuen* (*с нетерпением ждать каникул*); *je pyšná na své děti - sie ist auf ihre Kinder stolz* (*она гордится своими детьми*); *tato krajina je bohatá na lesy* (*эта местность богата лесами*); *jsem na to zvědav - ich bin darauf gespannt* (*мне очень хотелось бы это знать*); na (+ вин. п.) - an (+ дат. п.) *trpět na bolení hlavy - an Kopfschmerzen leiden* (*страдать от*

головной боли); **na** (+ дат. п.) - **auf** (+ дат. п.) zloděj je **na útěku** - der Dieb ist **auf der Flucht** (*вор бежал*); **s** (+ тв. п.) - **mit** (+ тв. п.) spokojit se **s něčím** - sich **mit etwas** zufriedengeben (*удовлетвориться чем-нибудь*); **po** (+ пр. п.) - **nach** (дат. п.) prahnout **po slávě** - **nach Berühmtheit** schmachten (*жаждать славы*); **před** (+ тв. п.) - **vor** (+ дат. п.) chránit se **před nachlazením** - sich **vor Erkältung** schützen (*беречься простуды*); mám se **na pozoru před jejich psem** - ich hüte mich **vor ihrem Hund** (*я берегу их собаки*); **od** (+ род. п.) + **von** (+ дат. п.) drama **od Čechova** - ein Drama **von Tschchow** (*драма Чехова*); most byl postaven **od P. Parléře** - die Brücke wurde **von P. Parler** gebaut (*мост был построен П. Парлером*); **k - zu** (+ дат. п.) je to **k smíchu** - es ist **zum Lachen** (*это смешно*); je to **k pláči** - es ist **zum Weinen** (*хоть плачь*); **přes - über** (+ вин. п.) zůstat **přes noc** - **über Nacht** bleiben (*остаться ночевать*); **tito ptáci zde zůstávají přes zimu** - diese Vögel bleiben hier **über den Winter** (*эти птицы остаются здесь и в течение зимы*); **kniha stojí přes 100 Kč** - das Buch kostet **über 100 Kronen** (*книга стоит больше 100 крон*); **má už přes 80 let** - sie ist schon **über 80 Jahre** alt (*ей больше восьмидесяти; ей перевалило за 80*).

20. Среди конструкций, в которых и в ч., и р. яз. содержатся падежи с предлогами, находим, конечно, ряд единиц взаимно вполне эквивалентных с формальной и семантической точки зрения. Тем не менее, и здесь можно обнаружить немало случаев расхождений, заключающихся в том, что выбор предлога в ч. яз. явно указывает на влияние н. яз. В особенности распространены предлоги, сочетающиеся с вин. п., как **na** и **o**, соответствующие н. предлогам **an**, **auf** и **im**. Так, после глаголов, выражающих разные варианты психической деятельности или психических состояний, в ч. яз. в соответствии с н. яз. употребляется предлог **na** (+ вин. п.) в противоположность р. **o** (+ пр. п.), **k** (+ дат. п.), **v** (+ вин. п.): **myslím stále na tebe** - ich denke immer **an dich** - *я все время думаю о тебе*; **vzpomínám na mládí** *ich erinnere mich an die Jugend* (*я вспоминаю о молодости*); **řadím se na přítele** - sich **an den Freund** erinnern (*помнить о друге*); **babička věří na strašidla** - meine Großmutter glaubt **an Gespenster** (*бабушка верит в чудовища*); **upozornit přítele na chybu** - den Freund **an den Fehler** weisen (*предупредить друга об ошибке*); **připravovat se na zkoušku** - sich **auf die Prüfung** vorbereiten - (*готовиться к экзамену*); **dávat pozor na někoho** - **auf jemanden** aufpassen (*быть осторожен с кем-нибудь*); **zvyknout si na sousedy** - sich **an die Nachbarn** gewöhnen (*привыкнуть к соседям*) и н. др.

С предлогом **na** (+ вин. п.), соответствующим н. **an** (+ дат./вин. п.) сочетаются также глаголы, выражающие болезнь, страдание, смерть вследствие болезни, недомогания и т. п. (в р. яз. **om** + род. п./беспр. тв.

p.): zemřít **na srdeční mrtvici** - am **Herzschlag** sterben (*умереть от разрыва сердца*); trpět **na nespavost** (разг.) - an **Schlaflosigkeit** leiden (*страдать от бессонницы*); stonat **na zápal plic** - an **Lungenentzündung** krank sein (*болеть воспалением лёгких*) и т. п. Предлог **na** (+ вин. п.), отражающий н. **an, auf**, встречается, однако, - опять в отличие от р. яз., - еще и после некоторых других глаголов, ср., напр., obraťte se **na lékaře** - wenden Sie sich **an den Arzt** (*обратитесь к врачу*); zítra se vydáme **na cestu** - morgen machen wir uns **auf den Weg** (*завтра двинемся в путь*); letos jde Petr **na gymnázium** - dieses Jahr geht Peter **auf das Gymnasium** (*в этом году Петр поступает в гимназию*); bydlíme **na venkově** (пр. п.) - wir wohnen **auf dem Lande** (*мы живём в деревне*) и др.

Кроме предлога **na**, довольно широким распространением в ч. яз. пользуется также предлог **o** (+ вин. п.), соответствующий н. предлогу **um** (+ вин. п.), отчасти также предлогу **nach** (+ дат. п.). **Co - um/nach** сочетаются глаголы, выражающие усилие, заботу, опасение, стремление приобрести что-нибудь и т. п., напр.: matka se stará **o své dítě** - die M. kümmert sich **um ihr Kind** (*мать заботится о своем ребенке*); děláme si starosti **o svého vnuka** - wir sorgen **um unseren Enkel** (*мы беспокоимся за своего внука*); musím Tě poprosit **o pomoc** - ich muss dich **um Hilfe** bitten (*мне надо попросить у тебя помощи*); se svou sestrou se hádám **o tu červené šaty** - ich streite mit meiner Schwester **um das rote Kleid** (*мы с сестрой спорим о красном платье*); vsadit se **o něco** - **um etwas** wetten (*заклечь пари на что-нибудь*); budeme hrát **o peníze** - wir werden **um Geld** spielen (*мы будем играть на деньги*); ср. также jde / jedná se **o tuto dodávku** - es geht / handelt sich **um diese Lieferung** (*речь идет об этой поставке / дело касается этой поставки*); mnozí usilují jen **o pohodlný život** - viele streben nur **nach einem bequemen Leben** (*многие стремятся лишь к беззаботной жизни*).

Предлог **o - um** (+ вин. п.) употребляется в ч. и н. яз. таким же образом для указания степени различия между двумя величинами. В р. яз. на этом месте стоит на (+ вин. п.), напр.: můj muž je **o tři roky starší než já** - mein Mann ist **um drei Jahre** älter als ich (*мой муж на три года старше меня*); prodloužili si dovolenou **o 5 dní** - sie haben ihren Urlaub **um 5 Tage** verlängert (*они продлили срок своего отпуска на 5 дней*); prodavačka se přepočítala **o 10 Kč** - die Verkäuferin hat sich **um 10 Kronen** verrechnet; (*продавица обсчиталась на 10 крон*); ср. также: bylo to **o vlásek lepší** - es war **um ein Haar** besser (*это было чуточку лучше*).

Н. предлогу **um** (+ вин. п.) ч. предлог **o** (однако в этом случае с предл. п.) соответствует также в некоторых адвербиальных конструкциях, указывающих время, напр.: vyučování začíná už **o sedmé** - der

Unterricht beginnt schon **um 7 Uhr** - (уроки начинаются уже в 7 часов); přijdu **o jedné hodině** - ich komme **um ein Uhr** (я приду в час); **o půl druhé** končí moje přednáška - **um halb zwei** endet meine Vorlesung (в половине второго оканчивается моя лекция); náš vlak jede **o půlnoci** - unser Zug fährt **um Mitternacht** (наш поезд идет в полночь) и т. п. Ч. предлог *o* употребляется, однако, еще шире, ср., напр., *o Vánocích* - zu Weihnachten (на рождество), *o Velikonocích* - zu Ostern (на пасху), *o Dušičkách* - zu Allerseelen (в поминальный день). С другой стороны, он в большинстве случаев чередуется с другими предлогами (*v, na* + вин. п.): *v sedm (hodin)*, *v půl druhé*, *na Vánoce*, *na Velikonoce*, *na Dušičky*.

Изофункциональностью характеризуется также употребление предлогов *nach* (+ дат. п.) и *po* (+ пр. п.). Они сочетаются с глаголами (отглагольными) существительными, выражающими стремление добиться чего-либо, напр.: *ptát se po někom - nach jemandem fragen* (спрашивать о ком-нибудь); *portávat se po něčem - sich nach etwas / über etwas erkundigen* (расспрашивать о чем-нибудь); *pátrat po ztracené peněžitce - nach einer verlorenen Geldtasche suchen* (искать потерянный кошелек); *pátrat po pachateli - nach dem Täter fahnden* (разыскивать виновника); *nach einer Ursache forschen - pátrat po příčině* (отыскивать причину); *pídit se po novinkách - (eifrig) nach Neuigkeiten suchen* (выискивать новости); *toužit po bezstarostné dovolené - nach einem sorgenfreien Urlaub verlangen* (мечтать о беззаботном отпуске); *dychtit po úspěchu - nach Erfolg trachten* (стремиться к успеху); *bažít po bohatství - nach Reichtum lechzen* (жаждать богатства); *prahnout po slávě - nach Berühmtheit schmachten* (жаждать славы) и т. под.

Семантической взаимосвязью характеризуются также предлоги *proti/oproti* (+ дат. п.) и *gegen* (+ вин. п.)/*gegenüber* (+ дат. п.). Они употребляются в оборотах выражающих сравнение, напр.: *jsem proti němu slabý - ich bin schwach gegen ihn* (по сравнению с ним я слаб); *oproti předcházejícímu roku se životní úroveň zvýšila - gegenüber dem vorigen Jahr hat sich das Lebensniveau erhöht* (по сравнению с предыдущим годом жизненный уровень поднялся). Предлог *proti/gegen* употребляется также в сочетаниях, обозначающих средство от заболевания, напр. *kapku proti kašli - Tropfen gegen Husten* (капли от кашля), *prášky proti bolení hlavy - Medikamente gegen Kopfschmerzen* (порошки от головной боли) и др.

Кроме указанных примеров ч.-н. изоморфизма встречаем еще ряд единичных случаев соответствия, напр.: *gratulovat k narozeninám - zum Geburtstag gratulieren* (поздравлять с днем рождения); *oženit se se svou sestřenicí - sich mit seiner Kusine verheiraten* (жениться на своей двоюродной сестре) и др. Некоторые из них можно отнести к числу фразеологизмов; ср. п. 10.

21. Следует еще отметить, что в ч. яз., подобно тому, как и в н. яз., встречаем сочетания предлогов с наречиями, что в р. яз. находим лишь в ограниченном количестве, напр.: *odkdy? seit wann?// ab wann?* (с каких пор? с какого времени?); *dokdy? bis wann?* (до каких пор? до какого времени); *dosud, dotud - bis jetzt, bis hierher, bis dahin* (до сих пор, до тех пор, до того времени).

22. Выразительные следы сосуществования ч. и н. яз. можно обнаружить в ряде синтаксисических конструкций.

Соответственно классификации Р.Мразека (Mrázek 1973), разделяющей языки на две группы на основании превалирующего в них употребления глаголов типа *esse* или *habere*, ч. яз. вместе с н. яз. принадлежит к типу *habere*. Оба языка характеризуются во-первых, наличием глагола *mit - haben* в качестве основного средства для выражения посессивной функции: *mám nové kolo, to dítě má modré oči, rok má dvanáct měsíců, slepec měl s sebou průvodce - ich habe ein neues Fahrrad, das Kind hat blaue Augen, das Jahr hat zwölf Monate, der Blinde hatte einen Begleiter bei sich*, - в отличие от р. яз., в котором этот глагол был вытеснен на периферию и в собственно посессивном значении заменен глаголом *быть*: *у меня новый велосипед, у ребенка голубые глаза, в году 12 месяцев, со слепым был поводырь*.

Кроме посессивного значения глагол *mit - haben* находит в ч. и н. яз. употребление еще и в области интенционной (волекативной) модальности. В ч. яз. он выражает долженствование, сближаясь отчасти и здесь с н. *haben (zu)* и полностью совпадая с глаголом *sollen*: *Děti mají mlčet, když mluví dospěli. Kinder sollen (≈ haben zu) schweigen, wenn Erwachsene sprechen*. Сверх того, ч. языком был из н. яз. заимствован и основной модальный глагол, выражающий необходимость совершить действие (а в отрицательной форме возможность не совершать его), а именно *muset/müssen*, ср. *Musíme si pospíšit, nebo zmeškáme vlak. Wir müssen uns beeilen, sonst versäumen wir den Zug. - Nemusíte se o to starat. Sie müssen sich nicht darum kümmern (!/ brauchen...zu)*. Глагол *muset* аналогично н. *müssen* сверх того употребляется в значении модальности уверенности: *Muselo přšet (= asi přšelo). Es muss geregnet haben. × Вепотно, пошел дождь. - Řidič musel za volantem usnout. Der Fahrer musste am Steuer eingeschlafen sein. × Водитель, наверно, задремал за рулём*. Кроме того, в ч. яз. имеется еще и глагол *smět*, выражающий, как и н. *dürfen*, разрешение или (в отрицательных предложениях) запрещение: *Helena smí jít večer do divadla. Helene darf am Abend ins Theater gehen. - Děti nesmějí kouřit. Die Kinder dürfen nicht rauchen*. По образцу н. *dürfen* в древнеч. яз. возник еще и глагол *drbiti*, однако он был утрачен.

23. В области модальности лучше всего видно общее для ч. и н. яз. стремление к «симметрии» структуры предложения, заключающейся в преимуществе предложений типа «(номинатив) + предикат в личной форме», в то время как в р. яз. более значительное положение занимают конструкции «асимметрические», т. е. «(косвенный падеж) + предикат в безличной форме»; см. р. эквиваленты предшествующих примеров: *Нам надо поторопиться, а то опоздаем к поезду. - Вам можно не заботиться об этом. - Елене можно вечером пойти в театр. - Детям нельзя курить.*

Асимметрия структуры предложения проявляется в р. яз. в отличие от ч. и н. яз. также в других конструкциях, в которых производитель действия / носитель состояния выражен косвенным падежом; ср.: *Петра вчера не было дома.* × Petr nebyl včera doma. Peter war gestern nicht zu Hause. - *Вам бы отдохнуть.* × Měl(a) byste si odpočinout. Sie sollten ausruhen. - *С кем бы Еве посоветоваться?* × S kým by se měl(a) Eva poradit? Mit wem sollte sich Eva beraten? - *Ирине не спится, потому что здесь душно.* × Irena nemůže spát, protože je zde dusno. Irene kann nicht schlafen, weil es hier schwüll ist. - *Лодку унесло ветром.* × Lodka byla odnesena větrem // Lodku odnesl vítr. Das Boot wurde vom Wind fortgetrieben.

24. Для ч. и н. яз. характерны предложения с неопределенным местоименным субъектом *to/es*, которым в р. яз. соответствуют бессубъектные конструкции; ср.: *Невыšlo to, jak se to zamýšlelo.* Es ging nicht so aus, wie es gedacht war. × *Не так вышло, как думалось.* - *Snažím se, ale nejde to.* Ich bemühe mich, aber es geht nicht. × *Я стараюсь, но не получается.* - *Náhle ho to odhodilo stranou.* Plötzlich hat es ihn weggeschmissen. × *Вдруг его бросило в сторону.*

25. Родственные связи можно обнаружить между н. *man*-Sätze и ч. предложениями с неопределенным субъектом *člověk* или *jeden* (прост.). *Do takových věcí se člověk nemá vměšovat.* In solche Angelegenheiten soll man sich nicht mischen. × *В такие дела не следует вмешиваться.* - *Člověk neví, co to znamená.* Man weiß nicht, was das bedeutet. × *(Тут) не знаешь, что это значит.* Ф. Травничек (Trávníček 1963, 37) признает зависимость *jeden* от н. *einer*, однако предложения с *člověk* считает (в соответствии с мнением Я. Зубатого) самостоятельным типом, независимым от н. яз.

26. Важную структурную черту синтаксиса осложненных конструкций, отличающую ч. яз. от р. яз., представляет перевес придаточных предложений над полупредикативными конструкциями, т. е. дееприча-

стными и причастными оборотами. В р. яз. изобилие этих оборотов и некоторых других синтаксических особенностей указывает, с одной стороны, на связь со старославянским яз., в котором, в свою очередь, отражаются элементы древнегреческого синтаксиса; с другой же стороны, синтаксис р. яз. с XVII в. испытывает влияние французского яз. (ср. Хютль-Фольтер 1996, Růžicka 1963).

В истории ч. яз. отношение к полупредикативным оборотам, в особенности деепричастным, менялось (ср. Jelínek 1969, 51), современный язык, однако, в этом направлении стоит ближе к н. яз.; ср. *Имея все необходимое, он вечно недоволен.* × Ačkoli má všechno, co potřebuje, je věčně nespokojen. Obwohl er alles Notwendige besitzt, ist er immer unzufrieden. - *С ней был переводчик, прекрасно говоривший по-русски.* × Měla s sebou tlumočnicka, který mluvil velmi dobře rusky. Sie hatte einen Dolmetscher bei sich, der sehr gut russisch sprach. - *Екатерина II помогла всем государствам, воюющим /воевавшим с Францией.* × Kateřina II. pomáhala všem státům, které válčily s Francií. Katharina II. half allen Staaten, die mit Frankreich im Kriege lagen.

В р. придаточных предложениях времени и условия с союзами *если, прежде чем, раньше чем* в определенных случаях встречается инфинитив вместо личной формы глагола-сказуемого. Его употребление здесь подражает французской модели. В н. и в ч. яз., однако, обязательно употребление личной формы глагола: *Если мороженое оставить в комнате, оно растает.* × Necháme-li zmrzlinu v pokoji, roztaje. Wenn man Speiseeis ins Zimmer stellt, taut es auf. - *Прежде чем пойти в город, нам надо убрать комнату.* × Dříve než půjdeme do města, musíme uklidit pokoj. Bevor wir in die Stadt gehen, müssen wir das Zimmer aufräumen. В отличие от этого, инфинитив в придаточных цели и им подобных предложениях употребляется - при совпадении субъектов главного и придаточного предложения - вместо личной формы глагола в р., а также и н. яз., тогда как в ч. яз. этой возможности нет: *Я привел вас сюда, чтобы познакомить вас со своей женой.* Ich habe Sie hierher geführt, um Sie mit meiner Frau bekannt zu machen. × *Привел jsem vás sem, abych Vás seznámil se svou ženou.* - *Мы остались дома, вместо того чтобы поехать в Италию.* Wir sind zu Hause geblieben, (an)statt nach Italien zu reisen. × *Zůstali jsme doma, místo abychom odjeli do Itálie.*

27. Влияние н. яз. необходимо учитывать и в области порядка слов. В современном ч. яз. это влияние проявляется прежде всего в сфере замкнутых вопросов (Entscheidungsfragen): они отличаются от повествовательных предложений косвенным порядком слов (P - S). Интонация в ч. и н. яз. в основном аналогична (антикаденция, в отличие от харак-

терного русского типа ИК-3, ср. п. 11). Ср.: Příklad Irena k nám? Wird Irene zu uns kommen? × *Ирина придет к нам?* - Byla vaše sestra učitelkou? War ihre Schwester Lehrerin? × *Ваша сестра была учительницей?* Как для ч., так и для н. яз. характерно также отсутствие т. наз. обмыкания; ср. příjezd delegace do Vídně; die Ankunft der Delegation in Wien × *прибытие в Вену делегации*; ve výlohách vystavené zboží; die in den Schaufenstern ausgestellten Waren × *выставленные в витринах товары*.

Еще в первой и - до известной степени - во второй половине XIX в. было под влиянием лат. а также н. яз. распространено положение глагола-предиката в конце предложения, в особенности - придаточного; ср.: Na prostranství se rokuje o předmětech, které dnes na denním pořádku jsou..., o kterých se snad zítra jednati může (Neruda). В современном ч. яз. положение предиката полностью подчиняется общим правилам порядка слов.

28. Трилатеральный сопоставительный анализ текстов разного характера обнаруживает еще и другие сходства между ч. и н. яз. в области языковой обработки и стилизации разных ситуаций - сходства, обусловленные аналогией исторических условий, в которых ч. и н. языки сосуществовали. Общий характер ч. яз., как славянского, не претерпел, естественно, под влиянием н. яз. существенных изменений. Тем не менее, указанные и, может быть, еще и другие различия, численный перевес именных конструкций в р. яз. и связанная с этим склонность к большей лаконичности выражения, - это все является причиной того, что ч. предложение в целом имеет более эксплицитный характер, чем р., вследствие чего перевод ч. текста на н. яз. нередко представляет для чеха задание до известной степени менее затруднительное, чем перевод того же текста на р. яз.

Сопоставительный анализ трехсторонних языковых отношений до сих пор пока разработан лишь частично: в будущем желательны не только работы по вопросам лексики и словообразования, но необходимо, в частности, прежде всего более подробное исследование семантико-синтаксических закономерностей и особенностей, представляющее базис для разработки вопросов стилистики.

ЛИТЕРАТУРА

- ADAMEC, P.: K vyjadřování referenční určenosti v češtině a v ruštině. Slovo a slovesnost 41, 1980, c. 257-264.
- BĚLIČ, J.: Poznámky o postavení německých přejatých slov. In: Slawisch-deutsche Wechselbeziehungen in Sprache, Literatur und Kultur. Berlin 1969, c. 7 сл.
- BĚLIČOVÁ, H.: Sémantická struktura věty a kategorie pádu. Studie a práce lingvistické 17. Praha 1982.
- Die russische Sprache der Gegenwart, Bd. 3, Syntax. U. d. L. v. K. Gabka. Leipzig 1976.
- FRINTA, A.: K otázce cizího vlivu na jazyk. Časopis pro moderní filologii 28, 1942, c. 349-356.
- GLADROW, W.: Zur zwischensprachlicher Äquivalenz. Zeitschrift für Slawistik 25, 1980, c. 276-278.
- GLADROW, W.: Die Determination des Substantivs im Russischen und Deutschen. Eine konfrontative Studie. Leipzig 1979.
- Gramatika česká Jana Blahoslava. Ed. M. Čejka, D. Šlosar, J. Nechutová. Brno 1991.
- HAUSENBLAS, K.: Vývoj předmětového genitivu v češtině. Praha 1958.
- HAVRÁNEK, B.: Die sprachlichen Beziehungen zwischen dem Tschechischen und Deutschen. In: Deutsch-tschechische Beziehungen im Bereich der Sprache und Kultur I., Berlin 1968, c. 15-20.
- HAVRÁNEK, B. - JEDLIČKA, A.: Česká mluvnice. Praha 1963.
- CHLOUPEK, J. a kol.: Stylistika češtiny. Praha 1990.
- JELÍNEK, M.: Přechodnikové a příčestní konstrukce v odborné obrozenské literatuře. SPFFBU A 17, 1969, c. 51-72.
- JELÍNEK-ČIČA, P.: Štatl. Brno 1993².
- JIRÁČEK, J.: Morfologie I. Substantiva. Brno 1986.
- KOMÁREK, M.: On relative Pronouns in Czech and German. In: The Syntax and Text. Linguistic and Literary Studies in Eastern Europe. Ed. S. Čmejrková, F. Štícha, Benjamins 1994, c. 359-366.
- KRČMOVÁ, M.: Brněnská městská mluva a odraz kontaktu etnik. SP FFBU A 41, 1993, c. 77-86.
- KŘÍSTEK, V.: K otázce konverzatismů německého původu v starší češtině. In: Jazykovědné sympozium 1971, Brno 1973, c. 31-37.
- KUNZMANN-MÜLLER, B.: AcI-Konstruktionen - ein Problem der Germanistik und der Slawistik? In: Slawische und deutsche Sprachwelt. Ed. W. Gladrow, S. Heyl. Lang, Frankfurt am Main 1996, c. 47-61.
- LAMPRECHT, A.: K otázce vlivu jazyka na jazyk. SP FFBU A 6, 1958, c. 88-93.

- LAMPRECHT, A. - ŠLOSAR, D. - BAUER, J.: Historická mluvnice češtiny. Praha 1986.
- MASAŘÍK, Z.: Die Sprache des Anderen im Spiegel geschichtlicher und kultureller Kontakte. In: BBGN III 1998.
- MAYER, A.: Die deutschen Lehnwörter im Tschechischen. Reichenberg (Liberec) 1927.
- Mluvnice češtiny 2, Praha 1986; 3, Praha 1988.
- Morfologie ruštiny 1, 2. Brno 1996, 1997.
- MRÁZEK, R.: Funkční distribuce *habere a esse* v slovanské větě. In: Čs. přednášky pro VII. MSS ve Varšavě. Lingvistika. Praha 1973, c. 175-182.
- NĚMEC, I.: Vývojové postupy české slovní zásoby. Praha 1968.
- PAFFEN, K.-A.: Deutsch-russisches Satzlexikon 1.-2. Ed. Ch. Fleckenstein. Leipzig 1988.
- Příruční mluvnice češtiny. Ed. P.Karlik, M. Nekula, Z. Rusínová. Praha 1995.
- Příruční mluvnice ruštiny 1, 2. Praha, SPN, ³1979.
- RIPPEL, E.: Wege und Voraussetzungen einer deutsch-tschechischen Lehnwörterkunde. Slavia 18, 1944, c. 1 сл.
- RŮŽIČKA, R.: Zur syntaktischen Typologie moderner slawischer Literatursprachen. Zeitschrift für Slawistik 8, 1963, c. 833-860.
- SCHULZ, D. - GRIESBACH, H.: Grammatik der deutschen Sprache. München 1967.
- SKÁLA, E.: Deutsche Lehnwörter in der heutigen tschechischen Umgangssprache. In: Deutsch-tschechische Beziehungen im Bereich der Sprache und Kultur II. Berlin 1968, c. 127-142.
- ŠLOSAR, D.: Tisíciletá. Praha 1990.
- ŠLOSAR, D. - VEČERKA, R.: Spisovný jazyk v dějinách české společnosti. Praha 1979.
- TRÁVNÍČEK, F.: Historická mluvnice česká 3. Skladba. Praha ²1963.
- TROST, P.: Deutsch-tschechische Zweisprachigkeit. In: Deutsch-tschechische Beziehungen im Bereich der Sprache und Kultur I. Berlin 1968, c. 21-29.
- TROST, P.: Německé vlivy na slovanské jazyky. In: Čs. přednášky pro V MSS v Sofii. Praha 1963, c. 29-30.
- ŽAŽA, S.: Ruština a čeština v porovnávacím aspektu. Brno 1999.
- ЖАЖА, С.: Аспекты сопоставительного анализа в области синтаксиса. Zeitschrift für Slawistik 35, 1990, c. 518-522.
- ЖАЖА, С.: Специфические различия между чешским и русским языком в свете их сопоставления с немецким. In: Slawische und deutsche Sprachwelt. Ed. W. Gladrow, S. Heyl. Lang, Frankfurt am Main 1996, c. 237-245.

- ЗИМЕК, Р.: Расхождения в синтаксической системе русского и чешского языков как источник интерференции. Русский язык за рубежом 2/1977, с. 76-79.
- ЗИМЕК, Р.: Расхождения между чешским и русским языками, вызванные историческим влиянием немецкого языка. Opera Slavica 1996, 4, с. 1-9.
- ЗОЛотова, Г. А. - ОНИПЕНКО, Н. К. - СИДорова, М. Ю.: Коммуникативная грамматика русского языка. Москва 1998.
- ЙИРАЧЕК, Й.: Национальное и интернациональное в словообразовательной системе языка. SP FFBU A 36, 1988, с. 131-133
- ЙИРАЧЕК, Й.: Интернациональные суффиксы существительных в современном русском языке (структурно-сопоставительное исследование). Врно 1971.
- КОСТОМАРОВ, В. Г.: Языковой вкус эпохи. Москва, 1994.
- МОКИЕНКО, В. М.: Структурно-семантическое моделирование и сопоставительный анализ русской и чешской фразеологии. In: Konfrontační studium ruské a české gramatiky a slovní zásoby. Praha 1974, с. 249-282.
- ХЮТЛЬ-ФОЛЬТЕР, Г. (HÜTTL-FOLTER, G.): Syntaktische Studien zur neueren russischen Literatursprache. Wien-Köln-Weimar 1996.